

ИЗЪ КАВКАЗСКОЙ СТАРИНЫ.

I.

Въ Маѣ мѣсяцѣ 1853 года я уже готовился сдавать экзамень на званіе чертежника архитектурныхъ плановъ, мечтая въ недалекомъ будущемъ сдѣлать для себя карьеру строителя городскихъ зданій,—какъ вдругъ, въ одинъ прекрасный день, къ крыльцу нашего дома въ Москвѣ подкатила почтовая повозка и изъ нея выпрыгнулъ въ мохнатой папахѣ кавказскій офицеръ. Это, оказалось, былъ родной братъ моей матери, давно служившій на Кавказѣ и теперь пріѣхавшій къ намъ на короткое время въ отпускъ. Нечего и говорить, что пріѣздъ изъ далекаго края такого дорогого гостя, рѣдко посѣщавшаго Москву, внесъ въ семью нашу не мало радости, но для меня собственно онъ имѣлъ особо важное значеніе, такъ какъ онъ разрушилъ мое намѣреніе сдѣлаться впослѣдствіи архитекторомъ и черезъ какіе нибудь два мѣсяца, вмѣсто циркуля, я получилъ въ руки солдатское ружье.

Сложилось это дѣло очень просто: прогостивъ у насъ нѣсколько дней и присмотрѣвшись ко мнѣ, дядя, какъ то въ разговорѣ, предложилъ моей матушкѣ отпустить меня служить вмѣстѣ съ нимъ на Кавказъ. Не проча для меня военной карьеры, матушка сначала наотрѣзъ отказалась принять предложеніе своего брата, но настоятельная просьба его и совѣты родныхъ отпустить меня на Кавказъ поколебали ее, и въ концѣ концовъ, благословивъ меня на военное поприще, она со слѣдующаго же дня принялась снаряжать будущаго воина въ далекій путь. Хлопотъ у нея съ этимъ дѣломъ было, конечно, не мало, но какъ бы тамъ ни было, а ко дню нашего отъѣзда всѣ сборы были окончены и 22 Іюня мы, съ дядей, выѣхали изъ Москвы.

Въ то время, то есть болѣе пятидесяти лѣтъ назадъ, на Кавказъ не существовало не только желѣзнодорожнаго пути, но не вездѣ по Руси проложены были и шоссейныя дороги, и потому весь путь отъ Москвы до первыхъ предгорій Кавказа намъ пришлось дѣлать почти цѣлый мѣсяць.

Томительно и скучно было тащиться изо дня въ день на почтовыхъ, просиживать нерѣдко по нѣсколько часовъ на станціяхъ въ ожиданіи очереди получить лошадей, а за тѣмъ трястись по проселочнымъ дорогамъ, погружаясь или въ страшную пыль, или вязнуть въ грязи, дѣлая иногда не болѣе трехъ, четырехъ верстъ въ часть.

Но неприятное впечатлѣніе всѣхъ этихъ мытарствъ у меня почти совсѣмъ изгладилось, когда въ одинъ ясный день передъ нашими глазами показалась въ синеватой дали темная полоса высокаго кряжа кавказскихъ горъ, и, среди нихъ, почти прикрытый снѣжнымъ шатромъ, величественный Казбекъ. Я долго всматривался въ этихъ великановъ и мнѣ невольно грезились картины битвъ русскихъ съ черкесами въ тѣхъ яркихъ краскахъ, въ какихъ они воспроизведены напр. въ романѣ „Битва русскихъ съ кабардинцами, или очень трогательной повѣсти, гдѣ прекрасная магометанка умираетъ на гробѣ своего супруга“,—произведеніи хотя и довольно лубочнаго пошиба, но которымъ я увлекался до страсти, перечитывая его по нѣсколько разъ.

О юныя грезы, какъ далеки вы были отъ дѣйствительности!

Въ станицѣ Шелхозаводской, расположенной на рѣкѣ Терекѣ, оканчивался почтовый трактъ и отсюда дальнѣйшій путь къ укрѣпленію Темиръ-ханъ-Шурѣ,—штабу Дагестанской области,—совершался уже въ сопровожденіи оказіи*), съ которой и перевозились въ Прикаспійскій край всѣ письма и посылки. Здѣсь слѣдующіе къ Темиръ-ханъ-Шурѣ должны были нанимать вольныхъ лошадей у казаковъ, которые, занимаясь извозомъ, брали отъ Шелковой до Шуры за пару лошадей въ простой повозкѣ отъ 50 до 60 рублей. И это за перегонъ всего ста съ небольшимъ верстъ!

Условившись съ однимъ изъ этихъ возчиковъ везти насъ за 50 руб. до укрѣпленія Темиръ-ханъ-Шуры, мы дождались слѣдовавшей туда оказіи и съ нею тронулись дальше. Дорога сначала идетъ у под-

*) Оказія—конвой изъ пѣхотной или кавалерійской части.

ножія невысокаго кряжа горъ и отъ аула Кунтръ-коле, сворачивая въ горы, пролегаетъ до самой Шуры зигзагами по руслу рѣчки Шуринки. Эта небольшая рѣченка беретъ начало въ горахъ, и въ сухое время года такъ ничтожна, что пѣшему легко ее перешагнуть не замочивъ даже ногъ; но надобно видѣть эту Шуринку послѣ сильнаго дождя въ горахъ.

Тогда въ короткое время она принимаетъ видъ бурнаго потока и переправа черезъ нее въ ту пору становится уже настолько трудною и опасною, что бывали случаи, когда въ ея бушующихъ стремнинахъ погибали даже троечныя повозки со всѣми людьми и лошадьми.

У аула Кунтръ-коле вся оказія расположилась ночевать на открытой полянѣ. Вечеръ выдался прекрасный и скоро изъ селенія къ намъ набѣжало множество маленькихъ татарченковъ, которые были уже на столько обрусѣлыми, что почти совсѣмъ не дичились русскихъ и охотно показывали намъ свое искусство стрѣльбы въ цѣль изъ лука. Горцы съ ранняго возраста приучаютъ своихъ сыновей къ стрѣльбѣ и потому наметка даже у мальчугановъ семи—восьми лѣтъ просто изумительна. Мы видѣли, какъ одинъ изъ такихъ малышей на разстояніи 25 шаговъ почти безъ промаха попадалъ стрѣлою въ ту точку, кака я ему была указана на предметъ, но, приученный за свою мѣткую стрѣльбу получать награду, смѣло затѣмъ подходилъ къ кому нибудь изъ проѣзжающихъ и настойчиво требовалъ дать ему за это шауръ *).

На слѣдующій день мы съ оказіею добрались въ Темиръ-ханъ-Шуру и остановились тамъ на нѣсколько дней.

Нынѣ областной городъ, Темиръ-ханъ-Шура въ 1859 г. именовалась еще укрѣпленіемъ. Обнесенное кругомъ одноэтажными казармами, съ пробитыми въ наружныхъ стѣнахъ бойницами, оно имѣло лишь нѣсколько пыльныхъ улицъ идущихъ въ лучеобразномъ направленіи отъ находящейся посреди площади къ окраинамъ и было такъ не велико, что его въ одинъ часъ можно было обойти кругомъ, и даже побывать на азіятскомъ базарѣ, который въ лѣтнюю пору всегда бываетъ загроможденъ грудами винограда, персиковъ, арбузовъ и цѣлыми горами сушеныхъ плодовъ.

*) Шауръ— пять коп. сереб.

Тутъ почти исключительно торгуютъ армяне и персы, которые, сидя на разостланныхъ по землѣ буркахъ, нараспѣвъ восхваляютъ достоинство своего товара и наперебой стараются привлечь къ себѣ покупателей.

Дешевизна всѣхъ этихъ предметовъ въ Шурѣ тогда была баснословная: такъ напр. самый лучший виноградъ, который въ Москвѣ продавался 60 и 70 коп. за фунтъ, тутъ можно было купить по 5 или 6-ти коп. за око*), а арбузы и дыни отдавались чуть ли не 2 коп. за штуку. Помню, на первыхъ порахъ, я такъ набросился на всю эту снѣдь, что чуть было не заплатилъ за свою неумѣренность, и только благодаря во время принятымъ мѣрамъ, избѣжалъ весьма опасныхъ послѣдствій.

Въ Шурѣ мы пробыли всего лишь три дня и съ конной оказіей отправились черезъ укрѣпленіе Евгеніевское въ штабъ-квартиру Дагестанскаго пѣхотнаго полка, который тогда расположенъ былъ въ укрѣпленіи Бургунаѣ.

Отъ Шуры до Евгеніевскаго считается около сорока верстъ. Путь сначала идетъ широкой долиной вплоть до, такъ называемыхъ, Волчьихъ воротъ,—двухъ небольшихъ горныхъ возвышенностей, близко сошедшихъ одна съ другою,—и отсюда, проходя холмистою возвышенностию, тянется верстъ около пятнадцати по солончаковой почвѣ, покрытой кое-гдѣ жалкимъ бурьяномъ, который однако составляетъ достаточный кормъ для невзыскательныхъ горскихъ барановъ, пасущихся здѣсь мелкими стадами круглый годъ.

Не доѣзжая версты полторы до укр. Евгеніевскаго, среди каменистыхъ холмовъ, начинаютъ показываться маленькія башни съ красными крышами, а затѣмъ вскорѣ открывается и все укрѣпленіе. Это небольшое укрѣпленіе построено въ 1841 году генераломъ Головинымъ послѣ взятія имъ Хубарскихъ высотъ и служило обезпеченіемъ укрѣпленнаго моста черезъ рѣку Сулакъ,—единственной переправѣ изъ Солотови въ Шамхольство Торковское. Оно расположено было на правой сторонѣ Сулака, на противоположной сторонѣ котораго находился знаменитый въ прошломъ, но давно разоренный аулъ Черкей.

Окруженное со всѣхъ сторонъ крутыми высотами Евгеніевское, лежало въ глубокой котловинѣ, защищенной отъ сѣверныхъ вѣтровъ,

*) Око—три фунта.

почему климатъ тамъ настолькоъ тепель, что зима всегда проходить безъ снѣга, а въ лѣтнюю пору жара достигаетъ до 45 и даже болѣе градусовъ. Несмотря однако на высокую температуру, большое изобиліе фруктовъ и употребленіе Сулакской воды, которая лѣтомъ, при таяніи снѣговъ въ горахъ, дѣлается очень мутной,—мѣстность эта настолькоъ здоровая, что тамъ почти совсѣмъ не бываетъ болѣзней свойственныхъ жаркимъ странамъ. Съ окончаніемъ войны на Кавказѣ, укрѣпленіе Евгеніевское было упразднено, и только остались двѣ маленькія башни по обѣимъ сторонамъ моста черезъ Сулакъ, гдѣ и размѣщается до сего времени небольшой карауль.

Прямо отъ моста, по лѣвую сторону рѣки, начинается крутой подъемъ, по которому дорога идетъ въ укрѣпл. Буртунай.

Туда изъ Евгеніевскаго, въ то время, оказія ходила одинъ разъ въ недѣлю и состояла уже изъ цѣлаго баталіона пѣхоты и взвода полевой артиллеріи.

Съ такою оказіею въ назначенный день мы и вышли рано утромъ изъ Евгеніевскаго. Погода была пасмурная и, хотя, довольно теплая, но чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ становилось свѣжѣе и свѣжѣе. Вскорѣ на всю окрестность налегъ густой туманъ и посыпалась мелкая изморось, пронизывавшая насъ до костей. Огромный Черводарскій транспортъ съ боевыми снарядами, перекинутыми черезъ вьючныя сѣдла, медленно тянулся, звеня своими колокольчиками и безпрестанно заставлялъ пріостанавливаться всю оказію, которая и безъ того ползла чуть не черепашинымъ шагомъ. Подъемъ на гору былъ очень труденъ, его приходилось дѣлать около двѣнадцати верстъ, чтобы подняться до перевала горы Ибрагимъ-Дада, которая возвышается надъ морскимъ уровнемъ болѣе чѣмъ на семь тысячъ фут.—Проклятая Дада!—такъ обзывали эту гору наши солдаты.

Много стоила она жертвъ! Года непроходило чтобы на ней ктонибудь бы не замерзъ или сильно не ознобилъ себѣ рукъ и ногъ. Выйдетъ, бывало, оказія изъ Евгеніевскаго въ хорошую погоду, а поднимется на Ибрагимъ-Дада,—смотреть на ней бушуетъ метель. Впрочемъ, пройти по вершинѣ этой горы нужно было всего лишь около двухъ верстъ, а затѣмъ начинался спускъ къ Теренгульскому оврагу, по другую сторону котораго и расположенъ былъ штабъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка.

Страшно глубокой Теренгульской оврагъ былъ своего рода достопримѣчательностию Салавгii. До 1857 года,—то есть до взятiя нашими войсками аула Новаго Буртунай, лежащаго верстахъ въ четырехъ ниже Теренгульскаго оврага и Стараго Буртунай,*)—оврагъ этотъ былъ сплошь покрытъ громаднѣмъ лѣсомъ. Шамиль, подѣ страхомъ смертной казни, запретилъ рубить даже сучья этого заповѣднаго лѣса, и пройти оврагъ, не зная всѣхъ тропинокъ его, было положительно невозможно. Полагая себя обезпеченнѣмъ съ этой стороны отъ вторженiя русскихъ въ Солотовiю, Шамиль ограничился постановкою на Буртунаевской высотѣ одной сторожевой башни, гдѣ для наблюденiя и наблюдалось всегда нѣсколько человекъ мюридовъ.

Когда предположено было занять Буртунай, какъ мѣсто весьма важное для насъ въ стратегическомъ отношенiи,—къ укр. Евгениевскому былъ собранъ въ 1857 году значительный отрядъ, который лѣтомъ и двинулся къ Буртунаю. Пользуясь густымъ туманомъ, отрядъ незамѣченный горцами, пробрался по совершенно открытой впереди оврага мѣстности къ самому Теренгулу, и, имѣя при себѣ хорошаго проводника горца, перешелъ по незнакомымъ тропинкамъ на другую сторону, но такъ тихо и скрытно, что изъ сторожевой башни мюриды замѣтили движенiе русскихъ только тогда, когда часть отряда была уже на горѣ. Какъ водится башню раззорили, мюридовъ—сторожей перекололи и отрядъ занялъ высоты. Узнавъ объ этомъ, Шамиль быстро собралъ полчище въ нѣсколько тысячъ конныхъ и пѣшихъ мюридовъ, привезъ свои орудiя и, ставъ на позицію за глубокою балкою, началъ громить ядрами нашъ отрядъ. Однако вреда особеннаго онъ не причинилъ и, пострѣлявъ нѣсколько дней, удалился затѣмъ со своими мюрами восвояси.

Взявъ Теренгульскiй оврагъ, можно было легко овладѣть и ауломъ Новый Буртунай, который въ томъ же году и былъ взятъ штурмомъ въ ночь на 5 Октября.

Такъ палъ аулъ Новый Буртунай, а за тѣмъ погибъ и заповѣднiй Теренгульскiй лѣсъ, вѣковья чинары котораго пошли на постройку новаго укрѣпленiя Буртунай.

Буртунаевская высота лежитъ болѣе пяти тысячъ футовъ надъ морскимъ уровнемъ. Отсюда открывается чудный видъ на лѣсные гор-

*) Аулъ Старый Буртунай былъ взятъ русскими еще въ 1845 году, но тогда войска наши здѣсь не утвердились и ограничились только лишь раззоренiемъ этого аула.

ные отроги, которые, понижаясь отъ Тавлинскаго хребта, отдѣляющаго Гумбетъ отъ Салатави, сливаются въ туманной синевѣ съ Кумыкскою плоскостію. Тамъ, въ ясный солнечный день, отчетливо видно съ высью укрѣпленіе Чиръ-Юрть—штабъ двухъ драгунскихъ полковъ: Сѣверскаго и Нижегородскаго,—а за нимъ далѣе, точно оазисъ, бѣлѣется на бесплодной равнинѣ Хасовъ-юртъ съ его бѣлою церковью и крѣпостными стѣнами,—это штабъ Кабардинскаго пѣхотнаго полка. Самое укрѣпленіе Буртунай, тогда еще только строившееся, и примыкавшій къ нему форштотъ, расположены полукругомъ по склону горы и временно обнесены были землянымъ валомъ съ колючею изгородью.

Съ южной стороны, близъ каваліеръ-батареи, протекаетъ по глубокому оврагу маленькая рѣчка, которая и снабжаетъ весь штабъ превосходною водою.

Ниже укрѣпленія, надъ мѣстною балкою, возвышается небольшой курганъ, получившій названіе „Кургана Шольца“ въ память разгравшагося на немъ въ 1857 году кроваваго несчастья. Объ этомъ печальномъ случаѣ мнѣ рассказывали сами очевидцы и я, со словъ ихъ, теперь передамъ какъ произошло это дѣло.

Въ первое время по занятіи Буртунай, для обезпеченія на случай опасности, которая могла грозить болѣе всего со стороны лѣсистой балки, находящейся на западной сторонѣ,—туда ежедневно выставлялся денной пикетъ, состоящій изъ полуэскадрона солдатъ при офицерѣ, Упомянутый курганъ представляетъ самое удобное мѣсто для пикета, потому что оттуда можно было видѣть не только всю балку, но и спускъ къ ней съ противоположной стороны.

И вотъ, въ одинъ изъ злополучныхъ дней, пикетъ рано утромъ, отправился обычнымъ порядкомъ на курганъ подъ командою Дагестанскаго полка штабъ-капитана Шольца. Заступая на этотъ пикетъ уже не въ первый разъ, и не предвидя никакой опасности, Шольцъ, по своей безпечности, не слишкомъ заботился о соблюденіи правилъ форпостной службы и, приближаясь къ мѣсту пикета, не выслалъ впередъ какъ бы слѣдовало, развѣдывающаго патруля. Горцы давно примѣтили, что команды русскихъ часто ходятъ на пикетъ, не принимая никакихъ предосторожностей и рѣшились воспользоваться такимъ случаемъ, чтобы вырѣзать его.

Какъ и всегда пикеть занялъ курганъ и составилъ ружья въ козлы; но едва лишь солдаты расположились по кучкамъ около ружей,—какъ горцы, бывшіе еще съ ночи въ засадѣ за курганомъ, съ гикомъ выскочили изъ оврага и, давъ залпъ изъ ружей, бросились въ шашки на пикеть. Въ одинъ мигъ штабъ-капитанъ Шольцъ и всѣ солдаты были изрублены въ куски и спасся лишь только одинъ рядовой, забившійся въ кустахъ, гдѣ, незамѣченный въ суматохѣ горцами, онъ и пролежалъ все время, пока они обирали вещи съ убитыхъ и, захвативъ солдатскія ружья, не скрылись всѣ за курганомъ.

Надобно замѣтить, что все это произошло на глазахъ большого отряда, который стоялъ лагеремъ около крѣпости; но пока дежурная часть добѣжала до пикета на курганъ,—тамъ все уже было кончено и не осталось никакого слѣда отъ горцевъ.

Штабъ-капитана Шольца нашли между солдатскими трупами совершенно обнаженного и до такой степени изуродованнаго, что его трудно было и узнать.

Съ того памятнаго дня курганъ этотъ и получилъ названіе „Шольцова кургана“. Штабъ-капитана Шольца и погибшихъ вмѣстѣ съ нимъ солдатъ схоронили на томъ же курганѣ, а поставленный надъ ними бѣлый крестъ, вѣроятно, виденъ на томъ мѣстѣ и до нынѣ.

Нужно сказать что въ Буртунаѣ,—краѣ только что занятомъ русскими,—въ первое время было до того опасно, что невооруженнымъ людямъ нельзя было далеко отходить отъ укрѣпленія не подвергаясь опасности плѣна или быть подстрѣленнымъ изъ-за камня какими нибудь буйгушами рыскавшими постоянно вблизи крѣпости.

Смѣлость этихъ хищниковъ доходила до того, что однажды шайка въ нѣсколько человѣкъ захватила въ плѣнъ и угнала въ горы трехъ нашихъ фурштатовъ съ ихъ быками, на которыхъ они везли воду изъ рѣчки. И это опять произошло среди бѣлаго дня, почти у самой каваліеръ-батареи, и даже на виду стоявшаго при орудіяхъ часового, который хотя и сдѣлалъ тревогу выстрѣломъ, но, пока выслана была погоня изъ укрѣпленія, разбойники съ плѣнными и быками успѣли такъ хорошо скрыться, что сколько не искали по оврагамъ и балкамъ этихъ головорѣзовъ, а найти не удалось даже и слѣдовъ ихъ. Впослѣдствіи, впрочемъ, одинъ изъ фурштатовъ выбѣжалъ къ намъ изъ горъ, но два другіе съ быками такъ и пропали безслѣдно.

Климать Буртуная чрезвычайно благодатный: тамъ не бываетъ ни сильныхъ жаровъ лѣтомъ, нѣтъ ни мухъ или другихъ насѣкомыхъ причиняющихъ въ низменныхъ мѣстахъ Кавказа много неудобствъ, а зимою бываютъ не рѣдко такіе теплые дни, что можно свободно выходить на улицу въ легкой одеждѣ. Но при всемъ этомъ въ Буртунаѣ бывали случаи когда намъ приходилось видѣть и среди лѣта на улицахъ довольно глубокой снѣгъ, но, конечно, на очень короткое время. Я помню напримѣръ, какъ въ Іюль 1861 года на Киркинской возвышенности, верстахъ въ пяти отъ Буртуная, разыгралась вдругъ страшная метель и захватила на ней нашу оказію, слѣдовавшую изъ горъ въ Буртунай. Метель разбушевалась тамъ съ такою силою, что вся оказія едва было не погибла въ снѣгу и спаслась благодаря опытности колоннаго начальника штабъ-капитана Фіалковскаго—старога кавказца,—который успѣшилъ укрыть всю колонну въ глубокую балку, но потерялъ всетаки двухъ солдатъ и нѣсколько лошадей со вьюками, свалившихся во время метели въ кручу, гдѣ ихъ трупы и были найдены на другой день окоченѣвшими въ снѣгу.

Въ гервой по овинѣ Августа мѣсяца всѣ главныя постройки въ Буртунаѣ были начерно закончены и передъ роспускомъ отряда, собраннаго сюда еще съ весны для работъ, командующій войсками въ Прикаспійскомъ краѣ генераль-адъютантъ баронъ Врангель, рѣшилъ предпринять движеніе въ непокорное намъ Ауховское общество. Цѣлью этого движенія было уничтожить готовые уже къ сбору хлѣбныя посѣвы ауховцевъ и тѣмъ принудить ихъ къ выселенію въ болѣе отдаленные раіоны отъ Буртуная. Къ такой мѣрѣ прибѣгнуть командующаго войсками вынуждало крайне враждебное отношеніе къ русскимъ жителей окружающихъ ауловъ, которые, пользуясь близкимъ сосѣдствомъ, часто безнаказанно отгоняли скоть у слободскихъ жителей и, какъ я говорилъ, захватывали даже вблизи крѣпости въ плѣнъ одинокихъ людей, въ расчетъ получить впоследствии за нихъ выкупъ. Кромѣ этого признавалось необходимымъ расчистить просѣки начатыя еще въ прошломъ году и возстановить черезъ Солотовію прямое сообщеніе сѣвернаго Дагестана съ Кумыкскою плоскостію.

Приказъ о выступленіи отряда въ урочище Аухъ засталъ баталіонъ, къ которому я былъ прикомандированъ, на покосѣ. Въ то боевое время, эта весьма важная отрасль полковаго хозяйства производилась у насъ своеобразнымъ путемъ: такъ, чтобы заготовить необходимый запасъ сѣна для казенноподъемныхъ лошадей, которыхъ состояло тогда въ полку болѣе двухсотъ, назначался обыкновенно одинъ баталіонъ.

Занявъ намѣченныя заранѣ поляны, баталіонъ въ нѣсколько дней на-кашивалъ десять, пятнадцать тысячъ пудовъ сѣна и все это количество перевозилъ въ штабъ. А неостанетъ на зиму этого запаса—идутъ тогда два, три баталіона въ горы, навьючатъ лошадей непріятельскимъ сѣномъ, которое у горцевъ всегда остается въ огромномъ количествѣ на поляхъ, и полкъ, такимъ образомъ, опять обезпеченъ фуражемъ на долгое время. Правда, такого рода походы не всегда обходились намъ дешево, и случалось, что вмѣстѣ съ непріятельскимъ сѣномъ баталіоны привозили нѣсколько человѣкъ убитыхъ и раненыхъ; но вѣдь на Кавказѣ тогда каждый шагъ стоилъ жертвъ, и съ этимъ войска давно уже свыклись.

18 Августа 1858 года состоялся приказъ по полку о зачисленіи меня въ списки Дагестанскаго полка унтеръ-офицеромъ изъ вольноопредѣляющихся; въ тотъ же день я получилъ изъ ротнаго цейхгауза все обмундированіе, боевое снаряженіе состоящее изъ гладкоствольнаго ружья, сумы съ боевыми патронами и вмѣсто ранца, холщевый мѣшокъ для хлѣба и сухарей.

Тутъ я долженъ сдѣлать небольшое отступленіе отъ разсказа, чтобы дать хотя нѣкоторое понятіе о строевомъ образованіи, какое велось тогда въ нашемъ полку и о вооруженіи кавказскихъ войскъ того времени.

Начну съ того, что фронтовыя занятія, если и велись у насъ, то лишь урывками и очень рѣдко, а практическая стрѣльба и совсѣмъ почти не проходила. Это, конечно, можетъ казаться весьма страннымъ даже и непосвященному въ военное дѣло, но надобно принять въ расчетъ, что кавказскія войска зиму и лѣто заняты были работами по укрѣпленіямъ и часто по нѣсколько мѣсяцевъ находились въ экспедиціяхъ при проложеніи въ лѣсахъ просѣкъ и разработкѣ дорогъ въ горахъ. Конечно, какъ во всѣхъ полкахъ, были и у насъ всѣ существующіе тогда уставы воинской службы; но во 1-хъ въ эти уставы никто никогда не заглядывалъ и они преспокойно хранились часто даже неразрѣзанными въ сундукахъ ротныхъ писарей, а во 2-хъ, не велика была и нужда въ этихъ книжныхъ пособіяхъ, когда всѣ требованія въ кавказской войнѣ сводились лишь къ тому, чтобы умѣть разсыпаться въ цѣпь примѣняясь къ мѣстности, давать при стрѣльбѣ дружные залпы и лихо брать въ штыки врага, будь онъ въ полѣ, въ лѣсу или за завалами. А всѣмъ этимъ эволюціямъ учила насъ сама война и опытъ старыхъ, закаленныхъ въ бояхъ служахъ, подъ руководствомъ кото-

рыхъ прибывающіе молодые солдаты превосходно усваивали эту отрасль военной службы и дѣлались въ короткое время годными стать въ ряды своихъ боевыхъ товарищей.

О вооруженіи солдатъ и офицеровъ можно сказать тоже, что и о фронтовой службѣ. Оно находилось въ томъ же первобытномъ состояніи, въ какомъ была нѣсколько лѣтъ назадъ вся русская армія, выдержавшая не оружіемъ, а безпримѣрнымъ мужествомъ и стойкостью, восьмимѣсячную осаду на стѣнахъ многострадальнаго Севастополя. Такъ въ 1858 году кавказскія войска вооружены были еще ударными гладкоствольными ружьями, заряжавшимися съ дула, по старинному уставу на двѣнадцать темповъ; а Самурскій пѣхотный полкъ имѣлъ въ то время даже старыя кремневые ружья, которыя годны были для боя скорѣе какъ холодное оружіе, но отнюдь не какъ огнестрѣльное. Патроны къ этимъ ружьямъ были съ круглыми пулями въ бумажныхъ гильзахъ, въ которыя порохъ насыпался не по определенной мѣркѣ, а прямо на глазокъ, почему одни выстрѣлы раздавались точно какъ хлопучки, а другихъ, съ меньшимъ количествомъ пороха, даже не слышно было и вовсе. Такихъ патроновъ каждый солдатъ имѣлъ у себя 60 штукъ въ патронной сумѣ и, кромѣ того, еще 20 въ маленькомъ патронташикѣ, пристегнутомъ тонкимъ ремешкомъ на груди.

Нечего и говорить, что поражаемость изъ этихъ ружей была самая ничтожная, и если при стрѣльбѣ изъ нихъ на 200 или 300 шаговъ,— въ мишень величиною чуть не въ большія ворота,—попадало изъ 100 пуль 15—20,—то это уже считалось весьма удовлетворительной стрѣльбой!!

И вотъ съ такимъ то вооруженіемъ велась наша полувѣковая война съ воинственными и несравненно лучше насъ вооруженными народами Кавказа.—война, которая, однако, покрыла громкою славой кавказскія войска и донынѣ воспоминающія въ своихъ пѣсняхъ славныхъ героевъ и былыя сраженія того, далеко отшедшаго отъ насъ, времени.

Новое вооруженіе нарѣзными ружьями, заряжающимися, однако, какъ и прежнія съ дула, Дагестанскій полкъ получилъ только къ началу 1858 года. Этими ружьями сначала были вооружены однѣ только стрѣлковыя роты, но и это одно уже дало большой перевѣсъ нашимъ войскамъ надъ горцами; и когда они замѣтили, что пули нашихъ ружей стали вдругъ поражать ихъ на 1000 и болѣе шаговъ,—

они только руками разводили и, покачивая головой съ недоумѣніемъ говорили:—Шайтанъ урусъ, *большой* шайтанъ! ¹⁾ Убѣжденные, что русскіе водятся съ самимъ чертомъ, который относитъ ихъ пули на такое большое разстояніе, горцы съ теченіемъ времени замѣтно стали утрачивать свой воинственный пылъ, и только въ густыхъ лѣсахъ еще рѣшались приближаться къ русскимъ отрядамъ, но и это проявлялось у нихъ далеко уже не съ тою отвагою, какъ бывало прежде.

Вооруженіе офицеровъ состояло изъ пистолета (револьверы тогда только что входили въ употребленіе и ихъ имѣли немногіе) и азиатской шашки, ножны которой у большинства были обдѣланы въ серебро съ чернію или золотою насѣчкою.

Вотъ и все, съ чѣмъ ходили тогда наши войска въ бой!

Но продолжаю разсказъ. И такъ 18 Августа я смѣнилъ свой сѣренкій сюртучекъ на военный мундиръ, а 19 числа у насъ получено было приказаніе: „войскамъ Салатовскаго отряда выступить на слѣдующій день въ урочище Дылымъ, гдѣ и приступить къ уничтоженію на поляхъ кукурузы ²⁾ и другихъ хлѣбныхъ посѣвовъ, какъ находившихся у горцевъ на корню, такъ и собранныхъ въ скирды.

Походные сборы наши были не долги, и рано утромъ 20 Августа все было уже готово къ выступленію: палатки сняты и уложены во выюки, трехдневный провіантъ розданъ солдатамъ на руки и патронныя сумы пополнены свѣжимъ комплектомъ боевыхъ патроновъ.

Послѣ напутственнаго молебна къ отряду прибылъ начальникъ дивизіи баронъ Врангель, который проѣхалъ по полкамъ, поздравилъ всѣхъ съ походомъ, и отрядъ съ пѣсенниками впереди, заколыхался по извѣстамъ старой дороги на аулъ Новый Буртунай.

Утро было ясное, обѣщавшее жаркій день. Солдаты еще передъ выступленіемъ сбросили съ себя мундиры приторочивъ ихъ къ сухарнымъ мѣшкамъ и весело переговаривались покуривая трубочки, которыя у иныхъ были обдѣланы въ серебрянную оправу и носились на шейной цѣпочкѣ.

Офицеры почти всѣ были верхомъ. Это отступленіе отъ устава не только не преслѣдовалось въ походѣ начальствомъ, но, напротивъ,

¹⁾ Шайтанъ—нечистая сила.

²⁾ Въ Чечнѣ и Дагестанѣ кукуруза составляетъ самый главный предметъ продовольствія горцевъ.

даже вмѣнялось въ нѣкоторую обязанность имѣть офицеру свою лошадь, въ силу той необходимости, что на строевого офицера возлагались иногда такія порученія, которыя онъ не могъ бы выполнить, не имѣя у себя верхового коня. Для походнаго багажа многіе имѣли кромѣ того еще и вьючную лошадь, а у кого таковой не было, тотъ обыкновенно привязывалъ сзади своего сѣдла переметныя сумы съ необходимыми вещами, клалъ на нихъ свернутую въ трубочку бурку и, такимъ образомъ, при офицерѣ находилось все его походное хозяйство съ необходимыми запасами бѣлья и платья; причемъ бурка замѣняла постель, а подушка отъ сѣдла обыкновенно шла подъ голову.

Къ Дылыму отряда нашъ подошелъ часовъ около трехъ пополудни и расположился лагеремъ на большой полянѣ, сплошь засѣянной неприятельской кукурузой. Тотчасъ приказано было косить поле и въ какой нибудь часъ времени вся кукуруза была уничтожена совершенно. По лагерю задымились костры и скоро вокругъ нихъ образовались цѣлыя гирлянды солдатскихъ котелковъ, наполненныхъ спѣлой кукурузой, обѣщая солдатамъ дать вкусную прибавку къ казенному ужину.

Избравъ операціоннымъ базисомъ Дылымъ, баронъ Врангель въ первые дни приступилъ къ расчисткѣ старой просѣки отъ Дылыма къ Буртунаю. Горцы ни чѣмъ не тревожили насъ, но довольно часто показывались небольшими группами гдѣ нибудь на опушкѣ лѣса, откуда видимо наблюдали за дѣйствіями отряда, стараясь однако держаться вдалекѣ отъ нашихъ аванпостовъ.

Но вотъ вечеромъ на 22 Августа по отряду было отдано приказаніе: выдѣливъ два баталіона Самурскаго полка для охраны бивака, — остальнымъ частямъ и артиллеріи выступить съ разсѣтомъ на развѣдку, которая будетъ произведена по направленію къ Кишень-Ауху. Движеніе предписывалось сдѣлать усиленнымъ маршемъ безъ палатокъ и тяжестей, имѣя съ собою продовольствія на два дня.

Стояла тихая и еще глубокая ночь, когда я услышалъ изъ палатки шумъ поднимавшихся солдатъ и крики фельдфебелей „выходить людямъ къ ризгету“. Я быстро одѣлся и пошелъ по лагерю. Кое гдѣ догорали костры и около нихъ въ полной амуниціи стояли группами солдаты весело болтая между собою и, по обыкновенію, отпускавая довольно двусмысленныя остроты по адресу кого нибудь изъ присутствующихъ тутъ же своихъ товарищей.

Въ офицерскихъ палаткахъ свѣтились огоньки. Я заглянулъ въ раскрытую настѣжь полатку штабъ-капитана Кошинскаго, который, уже совсѣмъ одѣтый, сидѣлъ въ бѣлой фуражкѣ на барабанѣ и допивалъ свой чай.

—А! сказалъ онъ увидя меня,—вы тоже съ нами, и даже готовы! Ну, должно быть мнѣ придется, юный мой, сегодня васъ поздравить.

—Съ чѣмъ это Димитрій Степановичъ? спросилъ я.

—Да съ обновленіемъ, мой другъ, съ обновленіемъ. Вѣдь придется же вамъ, какъ новичку, поклоняться сегодня чеченскимъ пулямъ;—но вы однако не смущайтесь,—добавилъ капитанъ желая ободрить меня,—такъ вѣдь бывало на первыхъ порахъ со всѣми нами. Будьте только хладнокровны, не поддавайтесь сильно впечатлѣніямъ, если увидите убитыхъ или раненыхъ, и, главное, не думайте въ дѣлѣ о смерти.

У меня невольно екнуло сердце отъ предстоящаго мнѣ обновленія, но я храбрясь отвѣчалъ, что во всякомъ случаѣ трусить не буду.

—Ну, то то же—помните это. А теперь, кажется, пора идти и къ ротѣ,—сказалъ капитанъ взглянувъ на часы,—скоро будемъ выступать.

Проиграли горнисты сборъ и всѣ поспѣшили къ своимъ мѣстамъ. Забѣжавъ въ свою палатку я усердно положилъ на востокъ три земныхъ поклона, поцѣловалъ свой маленькій образокъ, надѣтый мнѣ на шею рукою матери при отправленіи на Кавказъ, и черезъ минуту уже былъ у своей роты.

—Справа по отдѣленіямъ, маршъ!—послышались команды ротныхъ командировъ, и роты по очереди стали вытягиваться изъ лагеря.

Кругомъ было тихо. Приученные къ ночнымъ движеніямъ солдаты вполголоса лишь переговаривались между собою, но курить никто не смѣлъ. Такъ прошли мы около четырехъ верстъ, а о горцахъ ни слуху, ни духу,—точно будто они и не вѣдали о нашемъ движеніи.

Но вотъ стало свѣтать. Отрядъ разсыпалъ въ обѣ стороны сильныя цѣпи и вскорѣ началъ втягиваться въ густой, мелкій лѣсъ.

Быть въ цѣпи при движеніи по лѣсу, гдѣ нѣтъ ни дорогъ ни тропинокъ и вдобавокъ къ тому сучья на каждомъ шагѣ хлещутъ по лицу, угрожая ежеминутно выколоть глаза—дѣло очень не легкое. Кромѣ того тутъ нужна и крайняя осторожность относительно неприятельскихъ засадъ, которыя горцы очень искусно умѣютъ устраивать въ лѣсахъ, возводя для того почти незамѣтные завалы.

Мнѣ не разъ случалось слышать рассказы старыхъ кавказцевъ, что въ густыхъ лѣсахъ Чечни горцы, сдѣлавъ засаду, вдругъ неожиданно нападали на цѣпь и рубили ее, захвативъ нѣсколько звеньевъ сразу. При той быстротѣ и ловкости, съ какою они всегда производили эти внезапныя нападенія, выручка рѣдко успѣвала оказать тутъ цѣпи какую нибудь помощь, и чаще ей приходилось только подбирать своихъ убитыхъ и раненыхъ или просто не найти нѣсколькихъ члвкъ взятыхъ горцами въ плѣнъ.

Впрочемъ на этотъ разъ все обошлось благополучно. Горцы нигдѣ не показывались, и мы безъ выстрѣла подошли въ полдень къ маленькому укрѣпленію Кишень-Ауху, расположившись бивакомъ на рѣчкѣ Ярыкъ-Су. По обыкновенію тотчасъ же задымились костры, солдаты заварили свое походное кушанье мамолыгу¹⁾, и бивакъ скоро принялъ обычный видъ. Устраиваться на ночлегъ приходилось, конечно, на открытомъ воздухѣ, но это еще небольшое неудобство для кавказскихъ офицеровъ и въ особенности для тѣхъ, кто имѣетъ при себѣ бурку.

Завернувшись въ такую бурку спать превосходно, а главное вполне безопасно отъ скорпіоновъ и фалангъ, которые въ низменныхъ мѣстахъ водятся во множествѣ, но, очень боятся бараньей шерсти, почему никогда и не подползаютъ даже близко къ буркѣ²⁾.

Осмотрѣвъ подробно всю мѣстность отъ Дылыма до Кишель-Ауха, отрядъ на слѣдующій день тронулся обратно. Однако въ виду полученнаго свѣдѣнія отъ лазутчиковъ, что большое скопище горцевъ заняло тотъ самый лѣсъ, который мы проходили наканунѣ и ожидаетъ тамъ возвращенія нашего отряда, баронъ Врангель рѣшилъ слѣдовать отъ Ки-

1) Толченые сухари сваренные съ саломъ.

2) Бараны и овцы очень охотно ѣдятъ этихъ гадовъ, ядъ которыхъ не приносятъ имъ никакого вреда.

шень-Ауха по другой дорогѣ, которая хотя и была нѣсколько кружнѣе первой, но пролегла по довольно открытой мѣстности и только вблизи Дылыма пересѣкала небольшой лѣсъ не занятый, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, непріателемъ.

Въ этихъ соображеніяхъ, пройдя обратно около шести верстѣ, баронъ Врангель приказалъ всей колоннѣ свернуть вправо, выслалъ къ авангарду полубатарей 21-й артиллерійской бригады и въ боевой готовности направился по новому пути.

Замѣтивъ этотъ маневръ, горцы большими толпами конныхъ и пѣшихъ бросились къ Дылымскому лѣсу и быстро заняли его; но миновать этотъ лѣсъ теперь намъ было уже нельзя, и движеніе продолжалось по намѣченному направленію.

Какъ и нужно было ожидать, едва авангардъ нашего отряда втянулся въ глубину лѣса, какъ тамъ тотчасъ же завязалась перестрѣлка. Горцы, имѣя обыкновеніе насѣдать главнымъ образомъ на хвостъ русской колонны, въ первое время вели довольно слабый огонь; по мѣрѣ того, какъ арріергардъ колонны сталъ подвигаться къ выходу изъ лѣса они становились все смѣлѣе и смѣлѣе, пытались даже бросаться въ пашки на цѣпь, и только при появленіи нашихъ резервовъ тотчасъ же скрывались, не рѣшаясь вступить съ ними въ рукопашный бой.

Тутъ невольно припоминается мнѣ одинъ случай, который можетъ прекрасно показать духъ кавказскихъ солдатъ того времени. Шагахъ въ трехъ отъ меня ранили въ цѣпи солдатика нашей роты Сушкова, которому чеченская пуля прострѣлила шею на вылетъ. Обмотавъ, тутъ же на походѣ, какою то тряпкою рану и скорчившись отъ боли, Сушковъ однако продолжалъ идти въ своемъ звенѣ, и на всѣ убѣжденія товарищей отдать ружье другому и идти на перевязку къ доктору онъ ни за что не хотѣлъ оставить роту, отговариваясь, что рана его пустая, и онъ самъ, безъ помощи можетъ дойти до лагеря. Какъ ни упирался Сушковъ, его однако вывели изъ цѣпи и отправили къ врачу, при которомъ находились носилки и запасныя лошади. *) Я съ благоговѣніемъ смотрѣлъ тогда на этого Сушкова и, говоря откровенно, позавидовалъ стойкости этого человѣка сознавая, что едва ли могъ бы

*) Лазаретныхъ фуръ въ то время въ кавказскихъ войскахъ еще не существовало.

самъ оказать въ подобномъ случаѣ такое же мужество. Впослѣдствіи, впрочемъ, рана Сушкова довольно хорошо затянулась, но этотъ бѣдный солдатъ такъ и остался навсегда со скривленною шею, и, хотя черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ уволенъ по неспособности отъ военной службы, но, кажется, не получилъ никакой награды за свое увѣче и свой самоотверженный поступокъ.

Между тѣмъ, авангардъ нашей колонны, выйдя изъ лѣса на большую поляну прошелъ еще около версты и, выставивъ къ сторонѣ противника свою полубатарею, расположился на привалѣ. Горцы, продолжая преслѣдовать хвостъ колонны, кучками показались было на опушкѣ лѣса, но тутъ вдругъ грянулъ залпъ нашей батареи и черезъ нѣсколько секундъ четыре картечныя гранаты съ трескомъ разорвались среди ихъ толпы. Ошеломленные горцы, не ожидавшіе что русскіе могутъ стрѣлять черезъ головы своихъ людей, бросились въ разсыпную и въ мигъ всѣ скрылись изъ опушки лѣса.

Въ это самое время въ лѣвой сторонѣ, шагахъ около тысячи отъ насъ, выѣхало изъ лѣса нѣсколько человекъ джигитовъ, которые сгруппировавшись въ кучку, и разчитывая, вѣроятно, что за дальностію разстоянія они не могутъ служить мишенью для русскихъ пуль спокойно стали наблюдать за нашимъ отрядомъ. Это подзадорило командира нашего баталіона и онъ приказалъ вызвать къ себѣ изъ стрѣлковой роты лучшаго стрѣлка.—Филипчукъ! крикнулъ ротный командиръ,—подай свое ружье.—Тотчасъ явился красивый молодой солдатикъ съ ружьемъ и сошками привязанными къ поясу.

—Сколько татарвы свалилъ?—спросилъ шутя баталіонный командиръ Филипчука.

—Не могу знать, ваше высокоблагородіе. Въ лѣсу трудно угадать—убилъ ли, или не убилъ.

—Ну, вотъ отличись братецъ. Покажи вонъ тѣмъ кавалерамъ, что около лѣса,—что, молъ, видимъ ихъ.

—Попытаться можно, ваше высокоблагородіе, да только до нихъ далеко. Тутъ, пожалуй, будетъ болѣе тысячи шаговъ, говорилъ Филипчукъ разставляя сошки и въ тоже время мѣряя глазами разстояніе до горцевъ.

Поставивъ прицѣлъ на дистанцію, Филипчукъ положилъ ружье въ сошки, припалъ къ землѣ и сталъ выжидать, когда горцы тѣснѣе сойдутся.

Наконецъ раздался выстрѣлъ. Черезъ секунду горцы шарахнулись было въ стороны, но затѣмъ скоро опять съѣхались въ кучку. Очевидно было, что пуля пролетѣла надъ головами горцевъ не задѣла никого. Вторая пуля дала рикошетъ не долетѣвъ шаговъ двухсотъ до цѣли и, скользя должно быть въ сторону, пронеслась также мимо. Горцы спокойно продолжали стоять на томъ же мѣстѣ и видимо даже интересовались нашею стрѣльбою.

Но вотъ свиснула въ воздухѣ третья пуля и черезъ нѣсколько мгновений мы замѣтили какъ горцы всѣ вдругъ засуетились около одного изъ всадниковъ, затѣмъ подхватили его и быстро исчезли съ нимъ въ лѣсу. Ясно было, что пуля Филипчука сразила на повалъ или тяжело ранила одного изъ этихъ джигитовъ и горцы поспѣшили унести его въ лѣсъ.

—Молодецъ Филипчукъ! похвалилъ баталіонный командиръ,— выбилъ призъ.—Онъ тутъ же далъ Филипчуку въ награду три рубля серебра, а за походъ представили его въ унтеръ-офицеры.

Слѣдующій день отрядъ исключительно былъ занятъ разчисткою просѣки къ Буртунаю и уничтоженіемъ непріятельскихъ хлѣбныхъ посѣвовъ, а также не убранныхъ еще съ полей запасовъ льна; такимъ образомъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней Солатовскій отрядъ вполне удачно выполнивъ возложенную на него задачу и даже успѣлъ намѣтить мѣста новыхъ просѣкъ, которыя предполагались произвести въ предстоящую зиму и лѣтомъ будущаго года.

Обратное движеніе отряда къ Буртунаю было назначено на 26 Августа. Горцы были на сторожѣ и едва колонны наши тронулись съ бивака, какъ пули ихъ засвистали справа и слѣва. Прикрываясь кучами хвороста и толстыми чинаровыми деревьями, сваленными здѣсь еще въ прошломъ году при рубкѣ лѣса, горцы преслѣдовали отрядъ выстрѣлами почти до аула Новый Буртунай; но изъ за большой ширины просѣки, заставившей ихъ держаться довольно далеко отъ нашихъ колоннъ, не причиняли отряду большого вреда, и всѣ потери его заключались тутъ только въ двухъ или трехъ раненыхъ нижнихъ чиновъ и, кажется, одной лошади подстрѣленной въ артилерію.

Но вотъ показался Буртунай. Отрядъ перестроился въ походную колонну, грянула музыка, раздалась въ ротахъ пѣсни, и привѣтствуемые полковыми дамами, собравшимися для встрѣчи насъ на угловой батарее,—мы въ стройномъ порядкѣ вошли въ укрѣпленіе.

Спустя два дня Солатовскій отрядъ былъ распущенъ по своимъ штабъ квартирамъ, и нашимъ баталіонамъ, по недостатку зимнихъ помѣщеній, пришлось расположиться лагеремъ и захватить даже снѣгъ въ палаткахъ.

Такъ началось мое первое знакомство и со свистомъ непріятельскихъ пуль и съ боевою обстановкою, при которой проходила тогда почти вся служба военнаго на Кавказѣ.

II.

Надвигалась глубокая осень съ ея періодическими дождями, которые въ Буртунаѣ идутъ въ это время, какъ въ дни всемірнаго потопа, тоже что то около сорока дней и сорока ночей, размывая рыхлую черноземную почву до такой степени, что по улицамъ слободки не только ходить, но ѣздить становится трудно. Волей-неволей приходилось тогда всѣмъ отсиживаться въ сырыхъ и душныхъ лежанкахъ,—что, конечно, было далеко не весело. Ни офицерскаго собранія, ни какой нибудь библіотеки, гдѣ можно было бы достать книгу или газету,—у насъ и въ поминѣ не было; и все досужее время офицерство убивало или за картами въ традиціонный штоссъ, или въ духанѣ толстаго армянина Карапѣта, у котораго можно было найти все начиная съ шила, гвоздей, чая, баранины и кончая кахетинскимъ и кизлярскимъ виномъ. Тамъ почти ежедневно бывали сборища офицеровъ, тамъ и сообщались другъ другу новости собранныя въ полковой канцеляріи или привезенныя къ намъ нибудь съ оказіей изъ Шуры.

Впрочемъ, надобно сказать, что не всѣ держались подобнаго образа жизни. Были у насъ своего рода отшельники, которые рѣдко показывались гдѣ нибудь въ обществѣ и предпочитали вести жизнь болѣе уединенную. Помню я, напр., нашего капитана Шарыгина. Это былъ человѣкъ уже не молодой, но страстный поклонникъ Бахуса; онъ иногда не выходилъ по нѣсколькимъ днямъ изъ своей квартиры предаваясь куражу, и обставляя его весьма своеобразною причудливостію, которая у насъ носила названіе „*коронаціи*“. Дѣло обыкновенно начиналось съ того, что устроивъ въ своей комнатѣ тронъ, для изображенія котораго Шарыгинъ ставилъ на столъ

единственный въ его мебели стулъ, онъ вскарабкивался на него, и, какъ повелитель царства, приказывалъ деньщику собрать къ себѣ всѣхъ своихъ подданныхъ. Давно приученный къ причудамъ своего господина деньщикъ, тотчасъ же принимался исполнять его приказаніе и вскорѣ вокругъ сооруженнаго капитаномъ трона появлялась цѣлая шеренга бутылокъ съ водками, наливками и другими винами. Капитанъ мило-стиво привѣтствовалъ cadaго изъ его подданныхъ и торжественно объявлялъ имъ, что приступаетъ къ своей коронаціи, почему требуетъ отъ нихъ дани, которую тутъ же и принималъ изъ рукъ деньщика въ видѣ наполненныхъ виномъ рюмокъ и стакановъ. Вся эта процедура заканчивалась тѣмъ, что, нагрузившись порядкомъ всякими зельями, капитанъ съ помощію этого же деньщика спускался съ трона, укладывался на походную кровать и, въ сознаніи своего величія успокаивался до утра.

На слѣдующій день коронаваніе капитана повторялось въ томъ же неизмѣнномъ порядкѣ и продолжалось иногда нѣсколько дней къ ряду.

А надобно было видѣть этого капитана въ стычкѣ съ горцами. Тамъ, впереди своей роты, онъ съ изумительнымъ хладнокровіемъ дѣлалъ свои распоряженія, никогда не теряясь въ рѣшительную минуту и всегда умѣя ускользнуть изъ опаснаго положенія. Рота вѣрила въ своего командира, любила его за простое обхожденіе и готова была,—какъ говорится,—итти за нимъ въ огонь и воду. Да и начальство, цѣня боевыя заслуги Шарыгина не разъ оказанныя имъ въ серьезномъ бою, снисходительно относилось къ его слабостямъ и многое ему извиняло.

Да, было время, когда къ средѣ кавказцевъ не мало было и героевъ, подъ скромной оболочкой которыхъ таился духъ несокрушенной отваги. Они, какъ этотъ Шарыгинъ, шли въ бой точно на какойнибудь пиръ и своей храбростью не рѣдко обращали въ бѣгство втрое сильнѣйшаго врага, но не придавали особенной цѣны своимъ подвигамъ и даже не любили о нихъ много говорить.

А наша молодежь?!—ее въ полку тогда было очень много,—*), та проводила время больше въ ухаживаніи за дамами (дѣвицы у насъ

*) Въ то время въ кавказскихъ полкахъ производство въ чины шло почти исключительно только за военныя отличія и потому молодыхъ офицеровъ у насъ былъ болѣе чѣмъ двойной комплектъ.

не было ни одной) а ихъ во всемъ штабѣ можно было насчитать не много болѣе десяти, да и то если перечесть всѣхъ.

Конечно, при такихъ условіяхъ не удивительно, что каждая изъ нашихъ дамъ, не исключая и тѣхъ, которыя давно перешли бальзаковскій возрастъ, имѣли у себя по дюжинѣ поклонниковъ и ухаживанье шло напрапалую, переходя въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже границы дозволеннаго.

Но пословица говорить: хорошо все то что хорошо кончается,— а у насъ были романы и съ трагической развязкой. Такъ я припоминаю печальную исторію нашего юнкера Герке, довольно красиваго юноши, который вдругъ воспылалъ страстной любовью къ женѣ нашего капитана г-жѣ Л ,—женщинѣ хотя и довольно красивой, но уже не первой молодости. Не встрѣтивъ съ ея стороны взаимности, онъ пришелъ къ тому выводу, что ему ничего не остается какъ пустить себѣ пулю въ лобъ. И вотъ, задумавъ привести въ исполненіе свое рѣшеніе, онъ въ одно прекрасное утро написалъ г-жѣ Л ой письмо полное нѣжныхъ признаній, и въ концѣ этого письма прибавилъ, что, не найдя силы побороть свою страсть къ ней, онъ покидаетъ сей міръ, унося съ собою въ могилу ея милый образъ и то святое чувство обожанія, какое онъ могъ питать только къ ней одной.

Отославъ такое посланіе къ предмету своего пламеннаго увлеченія, Герке отправился съ ружьемъ на курганъ Шольца и выждавъ, когда къ нему стали подбѣгать люди посланные мужемъ Л ой,— чтобы удержать легкомысленнаго юнца отъ его сумасброднаго рѣшенія,— онъ на глазахъ ихъ спустилъ курокъ и упалъ съ прострѣленною головою.

Случай этотъ вызвалъ большую сенсацію среди всѣхъ Буртунаевцевъ, но на г-жу Л ну онъ, кажется, не произвелъ особеннаго впечатлѣнія, и только лишь исключилъ одного изъ ея обожателей.

О солдатскихъ семьяхъ, которыхъ въ штабѣ было также очень много, распространяться нечего. Тамъ—тоже ухаживанье, но на болѣе дѣйствительной почвѣ, оплачиваемое вознагражденіями покровителей, что давало этимъ семьямъ возможность не только жить въ полномъ достаткѣ, но и обзаводиться своими домиками.

Въ общемъ однако въ Буртунаѣ ощущалась во всемъ такая подавляющая скука, что даже какое нибудь незначительное событіе и то уже составляло для насъ общій интересъ, внося вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторое оживленіе въ обыденную жизнь полка. Объ одномъ изъ такихъ маленькихъ событій я, какъ очевидецъ, и хочу теперь рассказать.

Въ описываемое время въ Крѣпости содержалось нѣсколько чело-вѣкъ плѣнныхъ горцевъ. О размѣнѣ этихъ горцевъ на плѣнныхъ русскихъ томившихся въ горахъ давно уже велись переговоры съ Шамилемъ, и когда черезъ лазутчиковъ это дѣло наконецъ уладилось,— въ областномъ штабѣ сдѣлано было распоряженіе произвести съ горцами размѣнъ плѣнныхъ, выбравъ для этого мѣсто въ районѣ Буртуна-я. По условію съ нашей стороны нужно было выдать горцамъ двадцать чело-вѣкъ плѣнныхъ, взамѣнъ которыхъ ими освобождали восемь русскихъ, захваченныхъ ими въ разное время и при разныхъ случаяхъ.

Размѣнъ плѣнныхъ рѣшено было сдѣлать на рѣчкѣ вблизи аула Новый Буртунай. И вотъ въ началѣ Ноября мѣсяца, два баталіона нашего полка со взводомъ артиллеріи, подъ командою подполковника Кощеева, отправились съ плѣнными къ назначенному мѣсту.

Мы выступили изъ укрѣпленія довольно рано и, недоходя полу-версты до аула Новый Буртунай, расположились вблизи рѣчки на большой полянѣ, выставили на позицію орудія и, въ ожиданіи прибытія горцевъ и плѣнныхъ, составили ружья въ козлы. На непріятельской сторонѣ не видно было еще никого, хотя по расчету времени горцы съ своими плѣнными должны были бы уже прибыть. Было холодно; мы ежились, бѣгали по полянѣ стараясь согрѣться и проклинали горцевъ, которые заставляли насъ ждать, но прошелъ часъ, потомъ другой, а они все еще не показывались. Полагая, что размѣна намъ въ этотъ день произвести не удастся, подполковникъ Кощеевъ хотѣлъ было уже вести отрядъ назадъ, какъ вдругъ изъ-за горы Мичика показался верховой тавлинецъ, во всю прыть скакавшій прямо къ намъ. Махая своей косматой папахой, чтобы мы въ него не стрѣляли, онъ быстро переѣхалъ рѣчку и во весь карьеръ понесся къ намъ на гору.

Къ величайшей досадѣ нашей оказалось, однако, что это былъ только посланный отъ Шамиля, который прискакалъ сообщить начальнику отряда, что плѣнные будто-бы очень утомились дорогою и заночевали въ аулѣ за горою Мичикъ, и что прибыть сюда они могутъ лишь только завтра и не ранѣе пополудня.

Хорошо понимая, что со стороны горцевъ это была не болѣе какъ одна уловка, чтобы подъ этимъ предлогомъ высмотрѣть численность и расположеніе нашего отряда, подполковникъ Кащеевъ, съ намѣреніемъ прицугнуть горца, объявилъ ему черезъ переводчика, что, за несдержанное слово имамомъ, онъ останется у насъ заложникомъ и отправится вмѣстѣ съ нами въ крѣпость. За тѣмъ, не входя въ дальнѣйшій разговоръ съ горцемъ, подполковникъ сѣлъ на коня и обратившись къ солдатамъ крикнулъ: „въ ружье“!

Не ожидая такого исхода и, видя бѣгущихъ со всѣхъ сторонъ солдатъ къ ружьямъ, тавлинецъ вообразилъ, что его хотятъ стащить съ лошади и обезоружить; онъ выхватилъ было свою пашку приготовляясь защищаться, но дѣло для него скоро разъяснилось и пристыженный горецъ, вложивъ пашку въ ножны, именемъ Аллаха сталъ клясться и увѣрять, что завтра плѣнныхъ приведутъ сюда непременно.

Припугнувъ тавлинца, подполковникъ Кащеевъ приказалъ передать ему, что на этотъ разъ онъ отпускаетъ его, но съ условіемъ, что если завтра къ полудню плѣнные не придутъ сюда, то размѣна не будетъ вовсе.

На слѣдующій день къ 11 часамъ дня мы были опять на томъ же мѣстѣ, но на этотъ разъ намъ не пришлось ожидать горцевъ и едва лишь мы поставили ружья, какъ изъ Мичикольскаго ущелья показались со значками массы конныхъ мюридовъ, оглашая окрестность пѣніемъ своей національной пѣсни „Ляиллахи-алла“.

Остановившись на горѣ, противъ того мѣста гдѣ стояли наши баталіоны, горцы тотчасъ же послали къ намъ вчерашняго парламента для заключенія условія размѣна, состоявшаго въ томъ, что какъ съ нашей стороны, такъ и со стороны горцевъ, плѣнныхъ должны сопровождать къ рѣчкѣ не болѣе какъ только двадцать человѣкъ, — остальнымъ же съ мѣста не трогаться. Условіе это хотя и было принято нами, но опытный въ дѣлахъ съ горцами подполковникъ Кащеевъ отдалъ однако приказаніе баталіонамъ и артиллеріи быть готовыми ко всякой случайности и по первому знаку его открыть огонь по горцамъ.

Сойдясь на самой рѣчкѣ, обѣ партіи плѣнныхъ были сосчитаны противными сторонами и за тѣмъ переданы съ одного берега на другой.

Это была любопытная картина и въ особенности въ тотъ мигъ, когда русскіе плѣнники, вступивъ на нашу сторону и, боясь какъ нибудь попасть опять къ горцамъ, всё сразу вдругъ оставили конвой и опрометью бросились къ намъ на гору. Освобожденныхъ изъ плѣна было восемь человѣкъ, болѣею частію солдатъ, изъ которыхъ нѣкоторые находились въ горахъ уже нѣсколько лѣтъ; тутъ же былъ и одинъ грузинскій священникъ, взятый въ плѣнъ еще въ 1854 году при вторженіи Шамиля въ Кахетію. Страшно истомленные и едва прикрытые какимъ то рубищемъ, всё плѣнники имѣли до чрезвычайности жалкій видъ, и до того измѣнили свой внѣшній обликъ, что въ нихъ съ трудомъ можно было признать русскихъ.

Какъ велика была радость этихъ людей можно судить потому, что добѣжавъ до отряда они всё бросились цѣловать землю, обнимали солдатъ и со слезами на глазахъ не переставали все благодарить насъ за свое освобожденіе, хотя въ данномъ случаѣ ихъ благодарность не могла принадлежать намъ, потому что мы были лишь исполнителями приказаній высшей власти.

Нужно добавлять, что въ этомъ процессѣ размѣна, несмотря на огромное скопище горцевъ, у нихъ сохранилась полнѣйшая тишина и порядокъ, при которыхъ мы могли спокойно наблюдать то горячее участіе, какое они оказали своимъ освобожденнымъ товарищамъ, которымъ предоставили даже верховыхъ лошадей, вѣроятно съ этой цѣлью и приведенныхъ ими съ собой.

По окончаніи размѣна мы въ томъ же порядкѣ тронулись обратно въ крѣпость, а горцы, затянувъ свое заунывное Ли-илахи-алла, потянулись къ Мичикольскому ущелью.

Роспускомъ Салатовскаго отряда, послѣ движенія его въ ауховское общество, не закончились еще экспедиціи 1858 года и въ Декабрѣ мѣсяцѣ барономъ Врангелемъ снова былъ собранъ небольшой отрядъ въ урочище Касталы, куда въ первыхъ числахъ этого мѣсяца три баталіона наши и выступили изъ Буртуная.

Цѣль сбора этого отряда состояла въ томъ, чтобы отвлечь непріятельскія силы отъ Чеченскаго отряда, дѣйствовавшаго тогда въ Большой Чечнѣ, выжечь запасы сѣна чеченцевъ въ урочищѣ Касталы и кромѣ того, провести черезъ это урочище новую просѣку къ Кишени-Ауху.

Походныя движенія зимою въ Чечнѣ имѣли ту выгоду, что давали возможность отрядамъ болѣе безпрепятственно проходить по лѣсамъ, которые безъ листвы дѣлаются настолько оголенными, что горцамъ спановилось очень трудно скопяться въ нихъ большими силами; но за то съ другой стороны движенія по глубокимъ снѣжнымъ сугробамъ лишали войска той подвижности, какая нужна при дѣйствіяхъ съ горцами, умѣющими быстро и хорошо скрываться въ одномъ мѣстѣ и появляться вновь тамъ, гдѣ представляется для нихъ къ тому болѣе выгодныя условія.

Къ тому же переправы въ бродъ черезъ рѣки, часто по поясъ въ водѣ, такжѣ не мало затрудняли движеніе отрядовъ, не говоря уже о томъ вредѣ, какой приносила зимою такія купанья людямъ, принужденнымъ иногда долгое время оставаться въ мокрой одеждѣ. Впрочемъ въ лѣсной части Чечни хорошій костеръ и выносливость русскаго человѣка часто многихъ спасали отъ тяжелыхъ заболѣваній, а баня, которую солдаты ухитрились устраивать въ обыкновенной палаткѣ, нерѣдко исцѣляли даже и приключившійся недугъ. Такая баня устраивалась весьма простымъ способомъ: на разчищенную отъ снѣга площадку укладывалось нѣсколько крупныхъ камней, на которыхъ раскладывался большой костеръ; черезъ часъ или два костеръ съ этого мѣста отбрасывался въ сторону и надъ раскаленными камнями разбивалась двойная солдатская палатка, которая тщательно окапывалась снизу, оставляя лишь небольшое отверстіе для стока воды. Затѣмъ внутри палатка устилалась рогожами или брезентами, туда же ставились ушаты съ горячей и холодной водой—и баня готова.

Поливая камни водою можно въ такой банѣ нагнать сильный жаръ, но при этомъ необходимо поливать снаружи и самую палатку—иначе она можетъ очень скоро истрѣть отъ жары и придти въ совершенную негодность. Мнѣ случалось не разъ пользоваться такой баней даже зимою и я не чувствовалъ послѣ нея ни малѣйшей простуды.

День, при выступленіи баталіоновъ изъ Буртуная, выдался довольно морозный. Окрестныя горы, покрытыя толстымъ слоемъ снѣга, сверкали яркой бѣлизной. Мы шли цѣликомъ, безъ дороги, утопая по колѣни въ глубокихъ сугробахъ и только къ полудню лишь успѣли перевалить Хуборскія высоты, за которыми начинался длинный спускъ въ долину Касталы. Переходъ былъ настолько трудный, что мы добрались къ мѣсту бивака только къ ночи и расположились въ небольшой орѣховой рощицѣ, разбивъ палатки прямо на снѣгу.

По обыкновенію солдаты тотчасъ же принялись сооружать костры и вскорѣ яркое пламя сухого орѣха запылало по всей линіи бивака.

Люблю я нашего солдата, но не могу не поставить ему въ укоръ неумѣнье его цѣнить прекрасныхъ произведеній природы. Я видѣлъ какъ толстыя орѣховыя деревья этой чудной рощицы, дававшей горцамъ ежегодно обильный сборъ грецкихъ орѣховъ, валились подъ топорами нашихъ русскихъ вандаловъ, и это, къ сожалѣнію дѣлалось ими вблизи громаднаго чинароваго лѣса, который находился подъ рукою, не болѣе, какъ въ полуверстѣ отъ лагеря!—Да вѣдь за нимъ нужно идти, — говорили солдаты, — а тутъ и чеченскаго орѣха достаточно, чтобы намъ обсушиться и погрѣться у огня.—И, рассуждая такъ, волокли цѣлыя бревна этого дорогого дерева на костеръ.

Впрочемъ баронъ Врангель, прибывъ къ отряду и замѣтивъ варварское истребленіе этихъ дорогихъ деревьевъ, приказалъ немедленно же прекратить ихъ рубку, но тѣмъ не менѣе доброй половины этой прекрасной рощицы—какъ не бывало.

Со слѣдующаго дня отрядъ приступилъ къ рубкѣ лѣса, начавъ ее отъ нашего бивака. Переходя за тѣмъ съ позиціи на позицію мы въ продолженіи десяти дней разчистили новый путь къ Кишень-Ауху. произвели въ разныхъ направленіяхъ нѣсколько рекогносцировокъ, сжигая по пути запасы непріятельскаго сѣна, сложеннаго на поляхъ, и 18 Декабря уже были на походѣ къ Буртунаю.

Свѣжняя зима, оголенные лѣса и дѣйствія въ то время отряда генерала Евдокимова въ Большой Чечнѣ, куда главнымъ образомъ отвлечены были непріятельскія силы, дали возможность намъ очень удачно выполнить свою задачу, при чемъ всѣ потери наши состояли изъ нѣсколькихъ человекъ раненыхъ въ небольшой перестрѣлкѣ съ горцами и, кажется, трехъ или четырехъ солдатъ, ушибленныхъ деревьями при рубкѣ лѣса.

Движеніемъ зимою въ Ауховское общество и закончились дѣйствія Салатовскаго отряда въ 1858 году.

Теперь на очередь подступали болѣе важныя событія,—событія ознаменовавшія себя великимъ историческимъ явленіемъ: покореніе Чечни и Дагестана, а вмѣстѣ съ этимъ и окончаніе войны на восточномъ Кавказѣ.